

DOI: 10.15643/libartrus-2018.2.7

Синкретическое значение прилагательных в эвенкийском и английском языках

© О. И. Просяникова

*Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
Россия, 196605 г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10.*

Email: olgapros@mail.ru

В статье рассматриваются семантические связи в синкретических формах типа существительное/прилагательное. Первичное синкретическое слово архаического языка не представляло отдельную грамматическую категорию, и ведущая роль отводилась семантике слова, в котором отражались и название предмета, и характеристика его по какому-либо качеству или свойству. Синкретические формы современного языка типологически соответствуют синкретическим формам в архаическом языке, но обладают присущими прилагательным особенностями, которые возникли в ходе развития языка. Последовательность изменений может быть выделена в три этапа. Анализ семантики современных синкретических форм позволяет сделать выводы о последовательности выделения грамматических категорий и сохранении синкретического значения в современных синкретических формах.

Ключевые слова: синкретические формы, синкретизм, семантика, синкретическое слово, внутренняя семантическая структура.

1. Введение.

Тесная связь прилагательных с именами существительными не вызывает сомнений и неоднократно отмечалась в исследованиях, посвященных происхождению именных категорий в различных языках. В. М. Жирмунский видел в этих именах отражение архаической стадии грамматической недифференцированности и отмечал первоначальную двойственность этих категорий: «...древнее имя, могущее обозначать и предмет, и качество, в сущности, не было еще в полном смысле ни предметом, ни качеством, ни существительным, ни прилагательным» [3]. Связь этих грамматических разрядов до оформления в таковые отмечал и А. М. Пешковский: «В прилагательных признак изображен не сам по себе, а как заложенный в предмете, и потому в нем заключено и смутное указание на самый предмет, в котором заложен данный признак. ...В древнем прилагательном намек этот был еще сильнее, так как оно ближе стояло к существительному» [6]. С. Д. Кацнельсон признавал первоначальную недифференцированность имен, объясняя такое явление лексической нерасчлененностью предметных и качественных значений [4]. «Недифференцированные имена» [2, с. 29], «имена качества» [1, с. 222], «имена с нерасчлененной семантикой» [5, с. 14], «синкретические формы» [8, с. 17] в той или иной степени можно обнаружить в различных языках, но преимущественно в языках со слабой степенью синтетизма и агглютинативной техникой присоединения морфем в составе слова [10]. Различные названия таких форм говорят о дискуссионном характере этого вопроса.

Придерживаясь теории синкретизма, выдвинутой С. Л. Чарековым, мы в своих работах используем термин синкретические формы, что, с одной стороны, описывает их идентичность по форме относительно друг друга, а с другой, относит такие формы к синкретическому слову

архаического языка. По мнению С. Л. Чарекова, синкретизм в современном языке связан с первичным синкретическим словом архаического языка в той его стадии, когда отсутствовала дифференциация частей речи, и на первый план выдвигалась семантика самого слова, способного одновременно назвать предмет, а также характеризовать его по какому-либо качеству или свойству либо обозначить действие этим предметом [9, с. 154].

Анализируемые в данной работе синкретические формы типа существительное/прилагательное лишь типологически соответствуют реальным синкретическим формам архаического языка, подтверждая теорию о первоначальном недифференцированном имени, которое в дальнейшем развитии приобретало словообразовательные элементы в соответствии с законами современного языка. Таким образом, рассматривая вопросы формирования именных грамматических разрядов слов, уместно включить и вопрос о синкретических формах, которые, помимо формы, связаны и внутренней семантической структурой, сохраняющей их от распада [7, с. 212]. Вопросы первичности выделения определенного грамматического разряда и направления перехода одного разряда в другой в данном исследовании не рассматриваются, поскольку изучению подвергались синкретические формы, характеризующиеся идентичностью основ и внутренней семантической структурой.

2. Синкретические формы типа существительное/прилагательное: этапы дифференциации именных грамматических разрядов.

Признавая номинацию первым этапом возникновения языка и первичного его элемента – слова, необходимо упомянуть, что первые наименования получили предметы и объекты, существенные для жизни первобытного человека, но предположить их круг можно лишь с большой степенью вероятности. Современное слово, обозначающее конкретный предмет, совпадает с первичным в том, что включает в себя и имя предмета, и его характеристики по форме, размеру, цвету и т.п. Такое свойство имени предмета создает предпосылки возникновения атрибутивных значений у существительных, а точнее, у тех первичных синкретических форм, которые по характеру своей семантики могли одновременно именовать предмет и характеризовать его по какому-либо признаку. Во-вторых, такое свойство имени предмета способствовало формированию различных разрядов слов, которые различались по своим функциям в наименовании объектов, что и привело к выделению собственно грамматических разрядов. В современном, вторичном, синкретизме этот принцип сохраняется, хотя и не обязательно у тех же лексико-семантических групп слов, которые отличались этим качеством в период формирования категории прилагательного. Чисто количественное увеличение числа наименований вело к формированию грамматических классов, поскольку для осмысления и обозначения предметов и объектов, а также явлений, с ними связанных, требовался более высокий уровень обобщения. Двойственный характер номинации особенно отчетливо проявляется в синкретических формах типа существительное/прилагательное, в которых одно и то же слово обозначает и сам предмет, и его качество. Несомненно, также, что число этих групп со временем расширялось и количественно – по числу подобных форм, и качественно – синкретический характер стали приобретать и производные слова. Способность одного и того же слова именовать сам предмет и называть его качество приводило к возможности расширять объем значения прилагательного, которое начинало обозначать не только прямое, основное качество именуемого предмета, но и качество, логически связанное с исходным понятием, представляющим собой определенное обобщение.

Вместе с тем современные прилагательные обладают и рядом специфических особенностей, присущих именно прилагательным и позволяющих выделить их в самостоятельную грамматическую категорию. Несомненно и то, что все эти особенности возникли постепенно в процессе развития языка, и эту историческую последовательность можно попытаться выявить, опираясь на анализ современного состояния языка.

На первом этапе, как уже отмечалось ранее, ведущим и единственным признаком могла быть семантика синкретического слова, которая предполагала обозначение, наименование предмета по его качеству и одновременно наименование самого качества. Причем в первичном синкретическом слове эти две стороны были настолько тесно связаны, что разделение этих двух значений практически не представляется возможным. Некоторое представление об этих формах дает современный синкретизм, да и то при условии изолированного, вне текста, рассмотрения подобных вторичных форм. Механизм возникновения атрибутивного значения, очевидно, заключался в следующем. Например, в эвенкийском языке в форме *горба – мель/мелкий* заключено понятие «мелкое (не глубокое) место в реке», т.е. само наименование включает в себя характеристику объекта, что и позволило впоследствии развиться значению «мелкий» применительно к водным образованиям. В английском языке таким примером может служить синкретическая форма *damp – пар, влага/влажный*. Прилагательное может характеризовать любые предметы, насыщенные влагой.

В синкретической форме *муну – гнилушка (разрушенное, испорченное дерево)* атрибутивное значение впоследствии было перенесено на другие объекты и приобрело значение «гнилой, протухший» в применении, например, к продуктам питания. Аналогичным двойственным характером предмет/признак обладают и синкретические формы, обозначающие непредметно-конкретные объекты: *кири – грязь/грязный, мэри (нэри) – свет, освещение/светлый, хэку – жара, жар/жаркий, горячий, light – свет/светлый*. Повышение уровня отвлеченности обозначаемых объектов от предметных к непредметным также способствовало формированию атрибутивных значений, обладающих в целом более высокой степенью абстрактности.

На втором этапе формирования прилагательных реализуется необходимость выделения атрибутивного значения из синкретической формы каким-либо внешним, объективным способом, показывающим, что в данном конкретном словоупотреблении определительная функция приобретает ведущее значение. Таким способом оказался порядок слов, при котором определяющее слово ставилось перед определяемым, что и стало внешним признаком его атрибутивности. Закрепление определенной постоянной позиции в словосочетании не только способствовало выявлению атрибутивного значения синкретической формы, но и открыло возможность семантической эволюции этого значения, поскольку место второго компонента словосочетания могли занимать разные слова, именуемые различными предметами, что приводило к возникновению новых оттенков значений определяющего слова, реализации его потенциальных возможностей. И это, в свою очередь, давало ему возможность служить определением к еще более широкому кругу объектов.

Третий этап развития прилагательных связан с возникновением суффиксации, что послужило окончательному оформлению данного разряда слов в самостоятельную грамматическую категорию. Этот процесс был длительным, также подразделяющимся на этапы, которые можно выявить лишь условно, и, по всей вероятности, тесно связан с развитием суффиксации у имен существительных. По своему характеру эти первичные суффиксы были подобны современным суффиксам с конкретной семантикой, и были, так же, как и оформляемые ими основы,

синкретичны в смысле слитности их функций – слова и формообразования. Некоторое представление о характере этих суффиксов может дать современный суффикс *-чи* в эвенкийском языке в его первом, конкретном значении обладания чем-либо: *бэкэ – горб, бэкэчи – горбатый (человек)*. В английском языке первоначально отдельное слово *full* – полный, следовавшее за существительным, стало впоследствии суффиксом с семантикой полноты, объема: *bag – сумка, bagful – полный мешок, куча, eye – глаз, eyeful – зрелище*.

Более последовательное разделение этих двух категорий слов начинается с возникновения суффиксов, обозначающих степень качества у прилагательных и эмоционально-оценочных существительных: *damp – damper, dampest, low – lower, lowest, deep – deeper, deepest*.

Возникновение оценочных суффиксов вело к формированию сравнительной степени у имен прилагательных, хотя наличие ее в эвенкийском языке многими исследователями оспаривается.

3. Сохранение синкретического значения основы в синкретических формах.

Близость имен прилагательных к существительным подтверждается и тем фактом, что наиболее многочисленным типом именного синкретизма оказываются формы типа существительное/прилагательное. При изучении этих форм была проведена дистрибуция их на лексико-семантические группы, разделение на которые происходит по семантике основы, а именно: по наиболее обобщенному признаку предметности/абстрактности.

Одна из таких групп связана по своей семантике с наименованием и характеристикой человека. В эвенкийском языке такая группа многочисленна и представляет большинство выделенных синкретических форм: *бонномо – шаловливый/шалун, дерогды – вороватый/вор, ладува – неряшливый/неряха, нэлэкэс – труслвый/трус, савка – толковый, знающий/знаток, мастер, сокто – пьяный/пьяница, сонорима – плаксивый/плакса*. Наиболее характерные формы этого типа – обозначение внутренних качеств, состояний и свойств человека и наименование его этими же свойствами и качествами. В английском языке примером служит форма *coward – трус/трусливый*.

Непосредственно к этой группе примыкают и формы, обозначающие не личностные качества, а характеризующие человека по внешним признакам, социальному (возрастному, имущественному и др.) положению или, реже, по профессии, занятию. В эвенкийском языке: *абдучи – богатый/богач, бэлэдери – помогающий/помощник, какира, хукэн ядаку – бедный/бедняк, нюкчуки – горбатый/горбун, сагдаву, хагдыгу (шагдыгу) – старший/старейшина, староста, сагды – старый (по возрасту)/старик, тавитчари, тавичивки, тыптари – кующий/кузнец, таткил – незнакомый/незнакомец, энугды – болезненный, хрупкий/калека, эргэн – здешний/здешний житель*.

В английском языке примеров в этой группе значительно меньше: *cripple – калека/хромой, покалеченный, old – старый (по возрасту)/старик, orphan – сирота/сиротский, daughter – дочка/дочерний, dwarf – гном/карликовый, малорослый, solitary – отшельник/одинокий, sage – мудрец/мудрый*.

В эвенкийском языке выделяются формы, в которых значение прилагательного передает те же свойства, качества человека, его постоянное или временное состояние, что и в предыдущих группах, но в функции существительного именуется отвлеченные понятия и представления, связанные с данной характеристикой: *абгара – здоровый/здоровье, гэевун, дялав, эдэр –*

молодой (человек)/молодость, дему, омикин – голодый/голод, деке – маленький/детство, дивэ – хитрый/хитрость и т.д.

Встречаются и такие синкретические формы, в которых существительное является носителем двух значений – наименования человека и отвлеченного понятия: баян – богатый/1. богач, 2. богатство, дегори – бедный/1. бедняк, 2. нужда, дядан – бедный/1. бедняк, 2. бедность, улэк – лживый/1. лгун, обманщик, 2. ложь, обман, энэлгэ – ленивый/1. лентяй, 2. лень. Такие синкретические формы, по мнению С. Л. Чарекова, свидетельствуют об их более позднем происхождении, поскольку одно из значений существительного представляет высокую степень отвлеченности.

Синкретическим формам, связанным с обозначением человека, можно противопоставить группу слов, обозначающих и характеризующих предметы. Причем в этой группе выделяются три лексико-семантических слоя со своей отчетливо выраженной семантикой. Это, во-первых, формы, отражающие качества предметов, воспринимаемых органами чувств человека (слухом, зрением, осязанием и т.п.): гиллихин – холодный, студеный (о воде)/холод, гэчи – горький/горечь, далли – сладкий, вкусный/сладость, дерипчу – 1. горький/горечь, 2. кислый/кислота, 3. невкусный/плохой вкус пищи, ламахи – теплый/тепло (суц.), мигдыгэ – шумный/шум, мукши, мукшипчу – сладкий, вкусный/сладость, мэри (нэри) – светлый/свет, ургэ – тяжелый/тяжесть, хэмур – холодный, студеный/холод, стужа, хэку – жаркий, горячий/жара, жар, повышенная температура, эку – горячий, жаркий, теплый/жар. В английском языке: bitter – горечь/горький, light – свет/светлый, dark – темнота, тьма/темный, черный, wet – влажность, сырость/мокрый, влажный, сырой, ginger – имбирь/рыжий, оранжево-коричневый, имбирный (вкус), sour – кислота/кислый.

В состав этой группы входят также существительные, обозначающие растительный мир и передающие в образованных от них прилагательных такие признаки предметов, как цвет, запах, форма: hazel – орех/карий, светло-коричневый, saffron – шафран/шафрановый, оранжево-желтый, daffodil – нарцисс/бледно-желтый, violet – фиалка/фиолетовый, rose – роза/розовый (цвет, запах розы), vanilla – ваниль, ванильный (запах), lavender – лаванда/бледно-лиловый, opion – лук/лукообразный (по цвету, форме т. п.) almond – миндаль/миндалевидный. Присутствуют также словоформы, в которых в качестве предметного компонента выступает существительное, обозначающее вещество или материал, а прилагательное констатирует какой-либо его признак или характеризует по данному материалу: diamond – алмаз/граненый, emerald – изумруд/изумрудный, ярко-зеленый, ruby – рубин/рубиновый, ярко-красный, pearl – жемчуг/зерненный, gold – золото/золотой (сделанный из золота), iron – железо/железный, copper – медь/медный, velvet – бархат/бархатистый, мягкий. В эвенкийском языке такие формы отсутствуют.

В обозначении и характеристике животных синкретические формы встречаются в эвенкийском языке в единичных случаях: нэну – перелетный/перелетная птица, негу – передовой, первый/передовой олень (в оленьей упряжке). В английском языке присутствует значительное их количество (bull, horse, hack, fawn, chicken, salmon, raven, canary): bull – бык/бычачий, бычий, сильный, большой, мужской, hack – наемная лошадь/наемный, salmon – лосось/оранжево-розовый, raven – ворон/черный как вороново крыло, canary – канарейка/канареечный (светло-желтый). Прилагательные образуются на основе какого-либо признака, свойственного животному: по размеру, цвету, форме. Изредка такие формы, обозначающие животных, возникают в

результате переносных употреблений: *сэлчэкэ* – *лохматый/медведь*, *чуллилки* – *чирикающий, щебечущий (о птицах)/болтун*, *сискоо* – *кукушка/чокнутый*, *chicken* – *цыпленок/трусливый*.

В английском языке присутствуют словоформы, относящиеся к лексико-семантической группе «соматизмы», в которых прилагательные, образованные от существительных, сохраняют сему местоположения: *top* – *верхушка/верхний*, *front* – *перед/передний*, *back* – *спина/задний*.

Следующая группа включает формы, связанные с пространственными и, реже, временными характеристиками, и относится к непредметно-конкретным понятиям, что означает, что явление или понятие существует, но не всегда представлено в материальном виде: *гоним* (*ноним, моним, нонум*), *дябдап* – *длинный/длина*, *горопты* – *старый/старина, старые времена*, *канта* – *широкий/ширина*, *нуннэ* – *прямой/прямызна*, *нилгэ* – *пустой/пустота*, *сунта* – *глубокий/глубина*, *тунурин* – *круглый/круг*, *тые* – *узкий, тесный/теснота*, *уги* – *высокий/высота*, *уги* – *верхний/верх*. В английском языке следующие словоформы: *corner* – *угол/угловой*, *hollow* – *низина/пустой*, *deer* – *глубина/глубокий*, *high* – *высота/высокий*, *bottom* – *дно/нижний*, *round* – *круг/круглый*, *straight* – *прямая/прямой*, *curve* – *кривая/кривой*, *plane* – *плоскость/плоский*, *past* – *прошлое/прошлый*, *square* – *квадрат/квадратный*.

И лишь третий лексический слой этой семантической группы характеризует собственные качества каких-либо предметов или объектов: *гиллун* – *упругий/упругость*, *кири* (*кирин*) – *грязь/грязный*, *мана* – *твердый, жесткий/твердость, жесткость*, *манни* – *крепкий, прочный/крепость, прочность*.

В отдельную группу выделены единичные синкретические формы с оценочной (близкой к чувственно воспринимаемым качествам) и отвлеченной семантикой: *гоекоун* – *очень красивый/красота*, *делум* – *тайный, секретный/тайна, секрет*, *тамачи* – *ценный/цена*, *secret* – *секрет/тайный*, *good* – *добро/хороший*, *wrong* – *зло/неверный*.

4. Заключение.

Анализ приведенных выше примеров синкретических форм типа прилагательное/существительное позволяет сделать ряд предварительных выводов общего характера. В первую очередь, обращает на себя внимание наличие большого количества синкретических форм, которые обозначают предметы и явления, самым тесным образом связанные с человеком, его свойствами, качествами, восприятиями и оценкой предметов. Отличительной чертой этих форм в английском языке является наличие синкретических форм, которые можно отнести к конкретно-предметным. Это касается, в первую очередь, лексико-семантических групп «растения», «материалы», «животные» и свидетельствует о богатом окружающем материальном мире, а также подтверждает тезис о том, как в языке отражается познавательная деятельность человека, связанная с повседневным наблюдением, сопоставлением и анализом. В эвенкийском языке отсутствует семантический слой такого типа синкретизма, как характеристика предмета по материалу и наименование этого материала, который можно было бы считать наиболее близким к первичному синкретизму. Это свидетельствует о том, что в английском языке происхождение данных форм относится к раннему периоду развития языка, а именно к первичному синкретизму. Для эвенкийского языка самое существенное – это высокая степень отвлеченности обозначаемых понятий, что свидетельствует о позднем происхождении данных словоформ и о сохранении в языке явления синкретизма как одного из способов словообразования.

Литература

1. Аврорин В. А. *Грамматика нанайского языка. Т. 1. Морфология именных частей речи.* М.: Изд-во АН СССР, **1959.** 282 с.
2. Василевич Г. М. *Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка: Пособие для препод. эвенк. (тунг.) яз.* Л.: Учпедгиз, **1940.** 176 с.
3. Жирмунский В. М. Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-историческом освещении // *Изв. АН СССР.* 1946. Т. 5. Вып. 3. С. 183–203.
4. Кацнельсон С. Д. Язык поэзии и первобытно-образная речь // *Известия АН СССР.* **1947.** Т. 6. Вып. 4. С. 301.
5. Новикова К. А. *Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор.* Л.: Наука, **1980.** 243 с.
6. Пешковский А. М. *Русский синтаксис в научном освещении.* М., **1956.** С. 134–135.
7. Просянникова О. И. Синкретические формы типа существительное/глагол в английском языке: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., **2013.** 300 с.
8. Чареков С. Л. *К происхождению языка.* СПб., **2011.** 84 с.
9. Чареков С. Л. *Эволюционная морфология. Ч. I. Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках.* СПб.: Наука, **1999.** 192 с.
10. Prosyannikova O. The Interrelation of Meaning in Syncretic Forms of Noun/Verb Type // *Hradec Kralove Journal of Anglophone Studies.* **2016.** Vol. 3. No. 1. Pp. 132–138.

Поступила в редакцию 30.03.2018 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2018.2.7

Syncretic meaning of adjectives in Evenki and English languages

© O. I. Prosyannikova

*Pushkin Leningrad State University
10 Petersburg Highway, 196605 Saint Petersburg, Russia.*

Email: olgapros@mail.ru

The author of the article considers the matter of semantic relationship of syncretic forms of the noun/adjective type. The primary syncretic word of archaic language did not represent a separate grammatical category. The leading role was assigned to the semantics of the word, in which the name of the object and its characteristics by some quality or property were reflected. Syncretic forms of modern language typologically correspond to syncretic forms of archaic language but possess inherent adjectival features that arose in the course of language development. The sequence of changes can be divided into three stages. Analysis of the semantics of modern syncretic forms allows drawing conclusions about the sequence of grammatical categories differentiation and the preservation of syncretic meaning in modern syncretic forms.

Keywords: syncretic forms, syncretism, semantics, syncretic word, inner semantic structure.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Prosyannikova O. I. Syncretic meaning of adjectives in Evenki and English languages // *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. No. 2. Pp. 146–153.

References

1. Avrorin V. A. *Grammatika nanaiskogo yazyka. Vol. 1. Morfologiya imennykh chastei rechi [Grammar of the Nanai language. Vol. 1. Morphology of nominal parts of speech]*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1959.
2. Vasilevich G. M. *Ocherk grammatiki evenkiiskogo (tungusskogo) yazyka: Posobie dlya prepod. evenk. (tung.) yaz. [Essay on the grammar of the Evenki (Tungus) language: Textbook for teachers of the Evenki (Tungus) language]*. Leningrad: Uchpedgiz, 1940.
3. Zhirmunskii V. M. *Izv. AN SSSR*. 1946. Vol. 5. No. 3. Pp. 183–203.
4. Katsnel'son S. D. *Izvestiya AN SSSR*. 1947. Vol. 6. No. 4. Pp. 301.
5. Novikova K. A. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka: Ol'skii govor [Essays on the dialects of the Evenki language: Ola dialect]*. Leningrad: Nauka, 1980.
6. Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in scientific light]*. Moscow, 1956. Pp. 134–135.
7. Prosyannikova O. I. Sinkreticheskie formy tipa sushchestvitel'noe/glagol v angliiskom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk. Saint Petersburg, 2013.
8. Charekov S. L. *K proiskhozhdeniyu yazyka [On the origin of language]*. Saint Petersburg, 2011.
9. Charekov S. L. *Evolutsionnaya morfologiya. Ch. I. Funktsional'no-semanticheskaya evolyutsiya suffiksov v altaiskikh yazykakh [Evolutionary morphology. Part 1. Functional-semantic evolution of suffixes in Altai languages]*. Saint Petersburg: Nauka, 1999.
10. Prosyannikova O. *Hradec Kralove Journal of Anglophone Studies*. 2016. Vol. 3. No. 1. Pp. 132–138.

Received 30.03.2018.